

Желание
женщины

**Читайте любовно-детективные романы
Людмилы Мартовой в серии «Желание женщины»:**

Ключ от незапертой двери
 Страсть на грани
 Февральская сирень
 Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
 Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
 Когда исчезнет эхо
 Бизнес-план счастья
Туман над темной водой
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
 Тайну прошепчет лавина
 Запретные воспоминания
Поместье с привидениями
 Стереть из памяти
 Каждому по заслугам
 Круиз на краю бездны

ПЯТЬ ПОДРУГ

Приворот для Золушки
 Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
 Вакансия третьего мужа
 Мой любимый сфинкс
Дьявол кроется в мелочах
 Одна смертельная тайна

**ДЕТЕКТИВНЫЕ МИРЫ
НИКИТЫ ЧАРУШИНА**

В Коктебеле никто не торопится
 Первый шаг к мечте

**ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ
БРАТЬЕВ МАКАРОВЫХ**

Лунная дорога в никуда
Алая гроздь турмалина
Роковое завещание
Посмотри в ее глаза

**КРУЖЕВА СУДЬБЫ
СНЕЖАНЫ МАШКОВСКОЙ**

Кружевное убийство
Танец кружевных балерин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Рассвет наступит незаметно
След на весеннем снегу

ЛЕД И ПЛАМЯ АЛЕКСЕЯ ЗУБОВА

Мадам будет в красном
Вишня во льду
Уравнение с тремя неизвестными
Из ледяного плена

СБОРНИКИ РАССКАЗОВ

Игра в убийство
От звезды и до воды
Лоза под снегом

Людмила

МАРТОВА

ИЗ
ЛЕДЯНОГО
ПЛЕНА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Мартова, Людмила.

М29 Из ледяного плена / Людмила Мартова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-244068-7

Обычное питерское утро никаких сюрпризов не обещало. Но только не для охранника Ивана Базыкина, который на обходе перед сдачей смены обнаружил труп. И не для майора Алексея Зубова, которого знакомый попросил проверить странное объявление о продаже на маркетплейсе картины Казимира Малевича...

Мира Борисова случайно оказалась в квартире старого друга семьи. Он бесследно исчез, а потом был найден убитым на даче своего бывшего ученика. И это только начало цепочки странных происшествий, которые придется расследовать майору Зубову с помощью Миры...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-244068-7

© Мартова Л., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

«Пусть мертвое прошлое
хоронит своих мертвецов...»

Джон Голсуорси.
«Сага о Форсайтах»

Все события вымышлены.
Любые совпадения случайны.

Смена подходила к концу. Еще полчаса – и придет сменщик Витек, смешливый круглолицый парень, помимо охраны университета, работающий на том же поприще в крупном супермаркете и на автомобильной стоянке. Витька можно понять: на то, чтобы содержать маленького ребенка и неработающую жену в чужом городе, требуются деньги, а где их взять без образования и приличного резюме?

Да и Питер не самый дешевый город, особенно для приезжих, которым приходится выкладывать кругленькую сумму за съем квартиры. Вот и вынужден Витек крутиться как уж на сковородке, работая сразу в трех местах. Он иногда по трое суток дома не бывает, перемещаясь с одного дневного дежурства на другое ночное, а потом на третье суточное и далее по новой.

Иван Федорович Базыкин вздохнул, ощущая некоторое превосходство над Витьком. Сам он, будучи коренным петербуржцем, имел свое жилье, взрослых детей, крепко стоящих на собственных ногах, а также маленькую, но стабильную пенсию. На работу охранником Иван Федорович устроился только для того, чтобы не сидеть

дома и иметь возможность периодически уходить от брюзжащей и вечно недовольной жены, чей характер и в молодости был не сахар, а в старости и совсем испортился. Хотя какая старость в шестьдесят-то лет.

Базыкин молодцевато соскочил с дивана, на котором провел ночь, потянулся за висящей на спинке стула курткой. Перед тем как сдать смену Витьку, нужно обойти вверенную территорию по периметру. Хотя коню понятно, что за ночь произойти ничего не могло. За это Иван Федорович и любил ночные смены.

В семь вечера он заступил на свою вахту, отпустив домой их третьего напарника, отставного военного Ильку Матросова, заметно хромящего после ранения, на служебном ноутбуке посмотрел любимый сериал про ментов, выпил чаю с принесенными из дома бутербродами, сделал вечерний обход и в половине одиннадцатого лег спать.

Диван в каморке охранников был не совсем комфортным, но вполне годным, так что выспался Иван Федорович отменно, проснувшись, как всегда, в шесть утра. Щелкнув кнопкой чайника, он решил обойти территорию, а уже потом позавтракать оставшимися бутербродами и ждать Витька, который должен появиться в районе семи часов.

Утренние пары в Университете промышленных технологий и дизайна начинались в восемь тридцать. Студенты и преподаватели стекались в учебное заведение с восьми утра, и это время для дневного охранника было довольно напряженным. Конечно, никаких особых происшествий здесь отродясь не происходило, но к своей работе Иван Федорович относился ответственно.

Времена нынче беспокойные, так что лучше смотреть в оба, чтобы вовремя заметить потенциального

злоумышленника в плотном людском потоке. Глаза от напряжения уставали и начинали слезиться. То ли дело дежурить ночью, когда все давно разбрелись по домам. Как говорится, солдат спит, служба идет, денежка капает.

Ладно, дневная смена у него только завтра, а сегодня, отлично выспавшись, Иван Федорович предвкушал, как передаст вахту Витьку и отправится домой, куда сегодня должны были привезти внуков. Шестилетнюю Маньку и пятилетнего Ваньку, названного в честь деда, он очень любил.

Натянув куртку, Иван Федорович вышел на крыльцо и всей грудью вдохнул прохладный октябрьский воздух, уже слегка пахнувший морозцем. Температура еще стояла плюсовая, но на предстоящей неделе обещались заморозки. Золотая осень, горделивая и величавая, уже сдавала свои позиции. Листья постепенно ссыпались на тротуар, шелестели под ногами, словно жалуясь на свою печальную участь. Осень — та же старость. Впереди тлен, что тут поделать.

Придя к подобной философской мысли, Иван Федорович поежился, поднял воротник куртки и шагнул с крыльца на тротуар, чтобы пройти по привычному для себя маршруту. Со вчерашнего вечернего обхода ничего, разумеется, не изменилось, но работа есть работа, и выполнять ее нужно качественно, согласно инструкции.

Еще не рассвело, горели уличные фонари, освещая мокрую шелуху увядающей листвы под ногами. Бодро шагая по дорожке по направлению к видневшемуся зданию соседней школы, Иван Федорович прикидывал, нужно ли по дороге домой заехать в магазин, чтобы побаловать внуков чем-нибудь вкусненьким.

Он знал, что жена с утра затеет варить борщ и готовить котлеты с пюре, до которых внуки были весьма охочи.

Но еда есть еда, а детям хочется чего-нибудь бесполезного, но вкусного, того, в чем их ограничивают родители. Может, чипсов купить или лучше орехов в шоколаде?

Впереди виднелся забор, у которого сквозь предрасветную мглу темнело что-то непонятное. Какой-то тюк, что ли. Иван Федорович подошел поближе и не поверил собственным глазам. Темная мешковатая груда оказалась не тюком тряпья, а привязанным к забору человеком. И только подойдя к нему вплотную, охранник Иван Федорович Базыкин понял, что перед ним труп.

Он отпрянул в сторону, запнулся обо что-то валявшееся в траве, плюхнулся на пятую точку, ощутив одновременно боль от удара и холод от моментально пропитавшей брюки травяной влаги. Взгляд машинально нашел предмет, послуживший причиной его падения. Это была бутылка из-под виски, пустая.

Самостоятельно работавшее сознание зафиксировало, что виски был дорогой, шотландский The Macallan Rare Cask. Мужчина, чье тело висело сейчас на заборе, не был похож на человека, который может себе позволить такой напиток.

На вид от сорока пяти до пятидесяти лет, он казался щуплым и невысокого роста и был довольно бедно одет. Штаны из очень дешевой ткани выглядели замызганными, как и растоптанные башмаки со сложившимися гармошкой задниками. Видавшая виды дутая болоньевая куртка имела прореху на локте, откуда выглядывал комковатый синтепон.

Оценив явное несоответствие внешнего вида трупа и валявшейся рядом бутылки из-под виски, Иван Федорович тяжело вздохнул, встал с земли, отряхнул промокшие брюки, достал из кармана телефон и позвонил в полицию.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Зубов залил кипятком чайный пакетик, оставшийся в чашке с вечера и сейчас выглядевший сиротливо скукожившимся, обхватил чашку ладонями, переплетя пальцы, подошел к окну и уставился на чернеющий внизу небольшой пятачок двора. Окна его съемной квартиры выходили в классический петербургский двор-колодец, из которого виднелись только небольшой прямоугольник неба, серые крыши с торчащими телевизионными антеннами и соседские окна, такие же старые, облезлые и разошедшиеся, как и то, перед которым он сейчас стоял.

Если снимать квартиру, то уж лучше поближе к работе. Следственный комитет по Адмиралтейскому району Санкт-Петербурга, где вот уже четыре года работал майор Зубов, располагался на проспекте Римского-Корсакова, а выделенная из коммунальной квартиры двушка — на углу улицы Декабристов и набережной реки Пряжки, так что идти до работы было минут семь, да и то если без спешки, а Алексей Зубов ходил быстро.

До Питера он два года проработал в Москве, но к ее ритму жизни так и не привык. Да и купить в столице собственное жилье было совсем уж из области фантастики.

С Питером в этом плане попроще. С того момента, как он уехал из своего родного города, прошло уже шесть лет, и за это время приезжал туда Зубов всего трижды. В первый — на похороны мамы, во второй — чтобы вступить в права наследства и в третий — чтобы продать квартиру, этим самым наследством являвшуюся. Больше Алексея там ничего не держало.

Средства, полученные от продажи их с мамой трешки в центре приволжского областного центра, он вложил в двухкомнатную квартиру в одном из новых микрорайонов Питера, вот только добираться оттуда на работу было слишком долго и муторно. Именно поэтому свою квартиру Зубов сдавал, а жил в съемной, недалеко от работы, и этот расклад его полностью устраивал.

Кроме того, новая квартира была до зубовного скрежета похожа на ту, в которой шесть лет назад в одночасье закончилась его жизнь, а потому находиться в ней больше пятнадцати минут Зубов не мог физически. Неистово стучало сердце, Алексей начинал задыхаться, бледнеть и чуть ли не терять сознание, что для такого здорового лба выглядело довольно комично. Не к лицу мужику, да еще и майору, такая чувствительность. Вот только поделить с ней Зубов ничего не мог, как ни пытался.

Мама, когда еще была жива, уверяла, что время лечит, но то ли эта мудрость не работала вообще, то ли пасовала только в отношении его, Алексея Зубова. Время шло, а легче не становилось. Ни капельки. Он сделал глоток чаю и снова посмотрел в окно, где по карнизу ходил важный толстый голубь.

Мама всегда гоняла голубей, стучала по стеклу, грозно кричала «кыш», уверяя, что голубь на окне — к несчастью, вот только ничего такого с Зубовым приключиться

больше не могло. Все его несчастья давно случились, а значит, и гонять голубей было совершенно незачем. Наоборот, Зубов их прикармливал, кроша через форточку оставшийся подсохший хлеб.

Вскрывшаяся болезнь Анны. Смерть мамы. Вот и все его несчастья. Впрочем, ему хватило. Мысль об Анне оказалась неожиданной, резкой и, как всегда, больно полоснула по нервам. Во всем, что касалось Анны, они оставались оголенными. Интересно, сколько он о ней не вспоминал?

Зубов прикрыл глаза. Да, наверное, с конца зимы. С годовщины того самого дня, когда он узнал, что его любимая женщина — серийная убийца, психопатка с раздвоением личности¹. Впрочем, он и до этого знал, что Анна не такая, как все.

Она казалась ему инопланетянкой. Земной и в то же время необычной женщиной. Вроде и из плоти и крови, но с примесью чего-то потустороннего. Анна всегда одновременно была здесь и как будто не здесь. Противоречие, которое цепляло особенно сильно из-за того, что он никак не мог его разгадать. А когда разгадал, то чуть не умер от болевого шока.

В одночасье его жизнь, полная счастья, любви и надежд, рассыпалась у него в руках, обрушилась гигантским оползнем под ногами. Вместо прошлого зияла черная, полная жирных червей яма, которая засасывала тогда еще капитана Зубова, лишая его способности сопротивляться. Будущее не просматривалось вообще, потому что в нем не могло быть ничего, кроме отчаяния.

¹ Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Мадам будет в красном». — *Здесь и далее прим. ред.*

Друг и коллега Сергей Лавров, на долю которого тоже выпало немало испытаний, уверял тогда, что рано или поздно снедающая его темнота кончится, а жизнь нет. Она пойдет дальше и будет прекрасна, несмотря ни на что. Мол, даже не сомневайся. Но Зубов все равно сомневался и правильно делал. Жизнь действительно шла дальше, вот только прекрасной ее никак нельзя назвать даже в первом приближении.

Алексей открыл глаза, отметил, что унылая картинка за окном не изменилась, глотнул еще чаю. Зазвонил телефон, и он потянул его из заднего кармана джинсов, отметив, что столь ранний звонок, а на часах еще нет и семи, не может нести ничего, кроме неприятностей.

На телефоне высветилось имя Виктора Николаевича Дорошина, человека-легенды, полковника в отставке, а ныне эксперта по поиску украденных антикварных ценностей. Дорошина Алексей уважал и пару раз тому помогал, когда расследования Виктора Николаевича касались Питера и его окрестностей. В последний раз они общались больше года назад, так что теперь оставалось только гадать, какая нужда привела полковника к майору в этот раз.

— Доброе утро, Виктор Николаевич, — сказал Зубов и отставил чашку, потянулся за лежащим на столе блокнотом и ручкой, готовясь записывать.

— Привет, Леш. Не спишь? Надеюсь, не разбудил?

— Нет, я уже на работу собираюсь.

— Вот я и решил позвонить до работы. Во первых строках моего письма, с днем рождения тебя.

Зубов вздрогнул, отнял телефон от уха и с изумлением посмотрел на экран, где высвечивалась сегодняшняя дата. Точно, у него же сегодня день рождения. И как он, спрашивается, мог об этом забыть? Впрочем, день как

день, точно такой же, как и все остальные. Подарков жизнь все равно не подкинет.

— Спасибо, Виктор Николаевич. Приятно, что вы помните. Тронут.

Последнее слово опять пришлось по нервам ожогом воспоминания. Это Анна была «тронутая» и вот уже шесть лет проходила принудительное лечение в специализированном — читай: тюремном — отделении психиатрической больницы. Первое время, еще живя в Москве, Зубов периодически наводил справки о том, как она, а потом перестал, потому что Анне это совсем не нужно, а ему доставляло только лишнюю боль, и без того нестерпимую.

— Здоровья тебе, Леха, и душевного спокойствия, а все остальное приложится. — Голос Дорошина выдержал его из ненужных воспоминаний. — А теперь прости, но перейду к делу.

Зубов против воли улыбнулся. Ясен пень, что отставной полковник позвонил не просто его поздравить. Что ж, так даже лучше. Все дела, которые вел Дорошин, оказывались необычными и будоражили воображение, выдергивая из повседневной рутины. Нет, он действительно будет рад, если ему удастся помочь Виктору Николаевичу.

— Слушаю.

— Один из жителей вашего славного города продает на «Авито» картину Малевича. Уверяет, что подлинную, поскольку у него на руках есть заключение эксперта. Но я что-то сомневаюсь, что подобное возможно.

— Простите, где продает?

— В том-то и дело, что на «Авито». То есть работа такого уровня выставлена на продажу не через аукционный дом и даже не через галерею, а на сайте бесплатных объявлений, что само по себе нонсенс. Так еще и цена подо-

зрительная. Чувак просит пятьсот миллионов рублей, хотя подлинник Малевича должен стоить в два раза дороже.

Упоминание о живописи опять стало ударом тока, как будто Зубов невзначай зажал в кулаке оголенный провод, находящийся под напряжением. Анна была художницей и работала в частной картинной галерее. Будучи собой, она писала яркие, полные жизни натюрморты с гранатами, персиками и виноградом. Когда же на поверхность вырывалась ее субличность, то из-под кисти выходили жуткие картины, подсказанные больным сознанием. От одного взгляда на них на голове начинали шевелиться волосы. С тех пор все, что имело отношение к искусству, вызывало у Алексея Зубова непреодолимое отвращение.

— Картина называется «Супрематизм», — продолжал между тем полковник в отставке Дорошин, даже не представляя, какие муки причиняет собеседнику. — Холст. Масло. Размером девяносто на семьдесят девять сантиметров. Возможен разумный торг, а также обмен или бартер на недвижимость. В характеристиках указано, что картина в состоянии б/у, прописано отсутствие комиссионных.

— И что? У вас вызывает сомнение факт существования такой картины? — проскрипел Зубов и откашлялся, чтобы вернуть голос.

— Да нет. Такая работа, как «Супрематизм», у Казимира Малевича действительно существует. Создана в середине 1910-х годов и имеет несомненное музейное значение. В объявлении приложены фотографии экспертного заключения от Государственной Третьяковской галереи за подписью заведующей научной экспертизой Лидии Гладышевой и ведущего научного сотрудника отдела живописи второй половины XIX — начала XX века Марии Вальковой, которая утверждает, что полотно под-

линное. Мол, были проведены стилистический, технологический, рентгенографический, химический анализ и сравнительный анализ с эталонными произведениями Малевича из собрания Третьяковской галереи.

— Тогда что вас смущает?

— То, что в Третьяковской галерее не проводят экспертизу сторонних картин. По крайней мере, сейчас. Конечно, в нулевые годы это было возможно, но старая экспертиза и заниженная стоимость говорят о том, что с большой долей вероятности это подделка. Подлинный супрематический Малевич такого размера и этого времени должен стоить от десяти миллионов долларов. В документе вдобавок допущена грубая ошибка — Казимир Малевич назван художницей. Да и экспертизы за подписью Гладышевой и Вальковой никогда сильно не котировались. В свое время они выпустили огромное количество документов на неподлинные вещи. Если бы экспертизу делали настоящие специалисты по Малевичу, то под документом стояли бы совсем другие фамилии. Да и любая экспертиза действует только пять лет со дня выдачи. Это общее правило продаж и для галерей, и для частных.

— Что от меня требуется? — Зубов решил перейти к конкретике, потому что в ухо ему ввинчивался параллельный звонок, и он уже был с работы, а следовательно, означал что-то серьезное. Вряд ли коллеги трезвонят в семь утра, чтобы поздравить его с днем рождения.

— Для начала пробей по номеру телефона в объявлении владельца. Собери по нему все, что сможешь. Раз человек выложил картину за такие деньги, значит, у него у самого есть сомнения, что это Малевич. Ну или он просто в живописи ничего не понимает.

— Я тоже не понимаю, — снова проскрипел Зубов.

Параллельный звонок в ухе становился все более настойчивым. Точно что-то случилось.

— Этот же самый пользователь, только в другом объявлении, продает два бриллианта весом в десять и сорок шесть карат, а также крупный природный изумруд. Такое, знаешь ли, тоже не на каждом углу валяется. Надо понять, что за чувак, откуда взялся, чем дышит.

— Сделаю, — пообещал Зубов. — Постараюсь сегодня же.

— Спасибо, Леша. А я на основании твоей информации уже приму решение — ехать мне в славный город на Неве в командировку или остаться с женой и детьми. Они меня и так редко видят.

— Я позвоню, как только будет информация. А пока, Виктор Николаевич, вы простите, но мне коллеги по параллельной линии телефон обрывают.

— Тоже поздравить хотят, — хмыкнул Дорошин. — Ладно, Леша, не отвлекаю больше. Спасибо, что согласился помочь, и еще раз с днем рождения.

Распрощавшись с Дорошиным, Зубов нажал кнопку приема второго звонка. В трубке послышался недовольный голос следователя Никодимова, которого весь отдел звал Нелюдимовым в силу особенностей характера.

— Ты чего трубку не берешь? Спишь, что ли? — набросился на Алексея тот.

— Разговаривал, — коротко объяснил Зубов, не собираясь вдаваться в детали. Если коллеги не помнят о его дне рождения, то и слава богу.

— Собирайся. За тобой машина ушла. Труп у нас.

— Где?

— Неопознанного мужика без документов нашли привязанным к ограде Университета технологии и дизайна.

– Мертвого?

– Белого-белого, совсем холодного, – с претензией на юмор ответил Никодимов. – Говорю же, труп у нас. Ты чего, не проснулся еще? Соображай быстрее.

Да, весело начинается день рождения, ничего не скажешь. Впрочем, никаких приятных сюрпризов от жизни майор Зубов не ждал. Ни в день рождения, ни вообще. Заверив Никодимова, что он проснулся и все понял, Зубов отключился, засунул телефон обратно в карман джинсов, сполоснул чашку и начал споро собираться на выезд, не забыв прихватить с собой и блокнот, одна из страниц которого была заполнена записями, сделанными за время разговора с Дорошиным.

* * *

Труп на заборе оказался какой-то не такой. Станный. Хотя может ли труп быть правильным, тоже еще вопрос. Мужик, привязанный за горло к решетке забора веревкой, оставался неопознанным. При нем не нашли никаких документов, только дорогая бутылка из-под виски, с которой, разумеется, сняли отпечатки пальцев. Если повезет, то картотека даст ответ на вопрос, кто этот потерпевший. Еще на покойнике не было носков. Туфли, когда-то довольно дорогие, а сейчас изрядно стоптанные, надеты на босые ноги, кстати, чистые и с ровными подстриженными ногтями. То есть не бомж.

– Криминал? – с надеждой в голосе спросил Зубов у эксперта Ниночки Шаниной.

Облик Ниночки никак не вязался с ее ежедневными обязанностями. Была она высокой, subtilно сложенной красавицей, ровесницей Зубова, воспитывающей десятилетнего сына. Имела томный волоокий взгляд, пышные

кудри до середины спины, тонкую талию и тридцать четвертый размер ноги.

Со спины ее вообще можно было принять за школьницу, но при этом Ниночка Шанина считалась профессионалом в своей сфере, причем одним из лучших в Питере, все тяготы профессии, включая ночные дежурства, несла с достоинством, никогда не жалуясь и не уваливая, работала споро, точно и качественно. В отделе ее ценили.

Ниночка была в разводе, но не в постоянном поиске. В отношениях она ценила качество, а не количество, поэтому на служебные романы и случайные встречи не разменивалась, да и вообще охотницей не слыла. Это ее качество Зубов, находящийся в глухой обороне, тоже ценил безмерно.

Когда он еще только перевелся в Питер и пришел на работу в отдел, то был удостоен Ниночкиного интереса. А что? Высокий, ладный, холостой, не обремененный детьми, не дурак, не карьерист, не мерзавец. Спокойный, ироничный, немного замкнутый, но вежливый с людьми.

После того как Зубов мягко, но непреклонно дал понять, что на него в этом плане рассчитывать не стоит, они с Ниночкой быстро подружились. Если, конечно, верить, что дружба между мужчиной и женщиной возможна в принципе.

— На первый взгляд, нет, — откликнулась на его вопрос Ниночка. — Точнее позже скажу.

— Что значит «нет»? — К ним подошел следователь Никодимов. — А за шею к забору он сам себя привязал, что ли? Или просто скопытился по неизвестной причине, а потом какой-то шутник нашел труп и его подвесил?

— Говорю же, позже, — чуть повысила голос Шанина. — Но пока все выглядит так, как будто наш мистер